

Р. А. Трофимова

ТРАКТОВКИ БИБЛИОТЕРАПИИ

Рассматривается междисциплинарное происхождение библиотерапии, обусловленное обилием трактовок ее содержания и функций. Исследуются конкретные методики и технологии библиотерапевтического воздействия на различные социальные группы, имеющие психические проблемы.

В настоящее время идет формирование новой системы научного знания о содержании, формах и технологиях влияния на сознание индивидов и социальных групп, которая называется социальной логотерапией. По нашему мнению, ее становление должно проходить с учетом наработок библиотерапии. Библиотерапия — междисциплинарная отрасль прикладного знания о лечебном эффекте чтения литературы различных жанров, типов и разновидностей. Основы этого знания созданы объединенными исследователями усилиями библиотекведов, медицинских терапевтов, книговедов, психологов, невропатологов, психиатров, социологов, конфликтологов, педагогов и социальных работников. Библиотерапия имеет длительную историю становления и развития. Известно, что еще Авиценна (Ибн-Сина) в своей «Книге исцеления» среди всех средств воздействия на больного выделял «слово» врача и ставил его на первое место. До нас дошли письменные свидетельства того, что в 18 веке английский врач Т.Сандейгем «выписывал» своим больным популярную в то время книгу М.Сервантеса «Дон-Кихот», расценивая ее прочтение как составляющую курса лечения. Более ста лет тому назад возникла Ассоциация больничных библиотек США, которая активно использовала исцеляющие последствия чтения художественной литературы. Именно в этом сообществе библиотекарей и медиков впервые появился термин «библиотерапия», позже вошедший в широкий научный оборот во многих странах мира [1, с. 65; 2, с. 58].

Междисциплинарное происхождение библиотерапии обусловило обилие трактовок ее содержания и функций, предопределило возникновение различных концепций библиотерапии и основанных на них научных школ.

Среди американских специалистов распространено мнение о том, что «библиотерапия есть использование литературы и поэзии в лечении больных, страдающих от эмоциональных проблем или умственных расстройств. Библиотерапия часто используется в социальной работе с группами или в групповой терапии и, как правило, достаточно эффективна при работе с людьми всех возрастов, с больными как госпитализированными, так и с амбулаторными. А также со здоровыми людьми, желающими использовать литературу как средство личного развития и самосовершенствования» [3, с. 18]. Разновидностью такого подхода выступает концепция А.Брайена, согласно которой библиотерапия — суть «психологическая диета» а деятельность библиотерапевта подобна деятельности врача-диетолога» [4, с. 95].

Американская библиотерапия дифференцируется на клиническую и психогигиеническую. Объектом первой выступают психически больные люди, объектом второй — лица, имеющие другие заболевания и находящиеся в угнетенном состоянии по этой причине. Конкретные методики и технологии библиотерапевтического воздействия на две названные группы существенно отличаются друг от друга. Но между американскими моделями клинической и психогигиенической библиотерапии есть много общего, обусловленного, в первую

очередь, тем, что обе эти формы используются в странах Америки (США, Канаде и других) в больничных условиях.

Европейская библиотерапевтическая школа, возникновение которой связано с идеями шведского невропатолога и библиофила Я. Биллстрема [5, с. 20-21], отличается от американской тем, что она не ограничивает сферу своего применения только больничными границами. Объектом своего внимания она расценивает, прежде всего, социальные группы, имеющие психические проблемы, члены которых находятся в обычных (для этой группы) жизненных условиях. В рамках этой школы групповые формы библиотерапии ставятся выше индивидуальных. Предпочтительным местом проведения библиотерапевтических сеансов признаются библиотеки, изотеки, музыкальные и литературные салоны (кафе), где под соответствующую музыку происходит чтение не только и не столько прозы, сколько поэзии, с последующим обменом мнениями о прочитанном и прочувствованном (естественно, под руководством библиотерапевта). Такая «терапия духа» призвана избавить от тягостных мыслей, страхов и стрессов, нормализовать конфликтность, повысить степень адекватности оценок пациентами социального окружения и своих жизненных проблем.

Сегодня в книжных магазинах Финляндии, Италии, Англии, Франции и Германии можно встретить «терапевтическую поэзию» — сборники стихов, оформленные в виде упаковок для лекарств. На обложке таких изданий указано назначение, противопоказания, дозировка и свойства предлагаемого поэтического «снадобья» — все как положено относительно медикаментов. Такие стихи-медикаменты, по признанию покупателей, действительно помогают избавиться от душевной, а порой и телесной боли. Поэтому они пользуются спросом. Например, в Италии за три года продано 7,5 млн. упаковок «терапевтической поэзии» [6, с. 285].

В странах Западной Европы такая работа осуществляется национальными ассоциациями либо библиотерапевтов (например, во Франции), либо социальных работников (Германия, Швеция), либо библиотекведов (Италия), либо социально-культурных аниматоров (Швейцария). Ассоциации систематически проводят совместные семинары, конференции и симпозиумы по библиотерапевтической проблематике, готовят (в университетах) кадры высококвалифицированных библиотерапевтов, ведут соответствующую научно-исследовательскую работу [7, с. 229-238]. Коллективными усилиями данных ассоциаций доказано, что библиотерапия (наряду со смехотерапией, ароматерапией, театротерапией, музыкальной и т. д. терапией) приводит в действие психический механизм вытеснения отрицательных эмоций положительными, предотвращая тем самым губительные воздействия негативных эмоций как на биохимические, физиологические процессы, происходящие в человеческом организме, так и на социальное поведение людей [8, 9, 10, 11, 12]. Литературное произведение влияет на эмоции человека:

1) смыслом слов, 2) мыслями, закодированными в тексте (скрытыми за словами), 3) вызванными наглядно-чувственными образами, 4) описанными поступками, мнениями и переживаниями героя, 5) эмоциональным состоянием автора, 6) его мировоззренческой позицией, 7) звучанием слов, 8) иллюстрациями, 9) шрифтом, 10) качеством бумаги и оформлением книги, 11) многими другими характеристиками произведения, роль которых неоднозначно оценивается европейскими библиотерапевтами [12, 13]. Люди с разным уровнем интеллектуальной, этической и эстетической развитости, к тому же находящиеся в разных психических состояниях, не одинаково улавливают вышеназванное, а потому получение запрограммированного библиотерапевтического эффекта требует глубоких обследований как пациентов, так и рекомендуемых им книг.

В России понятие «библиотерапия» стало использоваться лишь в 40-х годах нашего века. Но первые научные разработки библиотерапевтического, по сути дела, характера осуществлены во второй половине XIX века. Речь идет об эмпирических исследованиях механизмов чтения, проведенных Х.Д. Алчевской, и теоретических работах А.А. Потебни. В начале нашего века психологический механизм чтения художественной литературы обстоятельно изучали А.П. Нечаев и А.Ф. Лазурский.

В первые годы советской власти это направление исследований возглавил Н.А. Рубакин — создатель новой для того времени науки, названной им библиопсихологией (библиологической психологией). Эта наука, по Рубакину, имеет комплексный и прикладной характер, призвана решить все проблемы, прямо или косвенно связанные с восприятием читателем любых публикаций, входящих в библиотечный фонд. Она принципиально отличается от традиционного библиотековедения и книговедения. Ее признание означает, — писал Н.А. Рубакин, — что «... примат содержания в нашей теории книги должен уступить место примату читателя: примат вещи — примату той психики, которую так или иначе возбуждают письмена... Каково содержание книги в действительности? Этого никто, решительно никто из читателей вполне точно и определенно знать не может. Оно мираж, который представляется каждому отдельному его наблюдателю иным в зависимости от этого наблюдателя» [14, с. 11]. Столь решительный отказ от библиотечных традиций многими воспринимался «в штыки», а кое-кем критикуется до сих пор [15, с. 131-133; 16, с. 130-143]. Эта критика затормозила распространение рубакинских идей, имевших библиотерапевтическое значение. Тем не менее они получили определенное развитие в экспериментах и теоретических обобщениях Д.А. Балака, В.А. Кузьмичева, Я.М. Шафира, С.Л. Вальгарда и некоторых других исследователей 20-30-х годов.

В период Великой Отечественной войны многие библиотекари, работавшие в госпиталях, заметили, что процесс выздоровления раненых тесно коррелируется с прочитанными ими книгами, что неудачно рекомендованные художественные произведения усугубляли физические недуги пациентов. [17, с. 63-68] Обобщение итогов этих наблюдений позволило И.П. Кутанину в 1947 году поставить вопрос о необходимости создания отечественной библиотерапии и потребности переосмысления рубакинской библиопсихологии в терапевтическом ключе [18, с. 3-160]. Данная задача сегодня в основном выполнена благодаря работам А.И. Миллер [4, 22, 23, 24, 25], А.Е. Шапошникова [16], Е.Л. Арефьевой [19], Ю.А. Сорокина [20], В.И. Малининой [21] и некоторых других исследователей.

На территории бывшего СССР известны, как минимум, еще две относительно автономные библиотерапев-

тические школы. Ценные библиотерапевтические рекомендации даны Харьковским психоневрологическим институтом (И.Вельвовский), кафедрой психогигиены и психопрофилактики Харьковского института усовершенствования врачей (А.Филатов, А.Миллер и др.) [27, с. 113-116].

Прибалтийская школа представлена трудами А. Воскене, Д. Потельне, П. Смитрите, Г. Мишкиняне [5], О. Мязоту [28], Э. Стальненене [29], Н. Казинса [30], И. Мейжиса [31] и других исследователей, из которых явствует потребность учета в библиотерапевтической деятельности этнической принадлежности пациентов, специфики их национальной ментальности.

В Алтайском крае библиотерапевтические разработки реально осуществляются с середины 80-х годов кафедрой библиотековедения АлтГАКИ [27, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38] и АКУНБ им. В.Я. Шишкова [39]. Велись они и краевой юношеской библиотекой до ее реорганизации. При этом исследования, проводимые сотрудниками библиотек края, укладываются в традиционное библиопсихологическое русло, начертанное, по сути дела, еще Н.А. Рубакиным [в этом легко убедиться, сравнив 39 источник с 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46 и 47].

Библиотерапевтические разработки кафедры библиотековедения АлтГАКИ отличает принципиально иной подход. Исследовательская группа кафедры стремится изыскать способы библиотерапевтического воздействия не только и не столько на отдельно взятую личность, сколько на группы психически однородных (в основных характеристиках) и явно не страдающих расстройствами психики людей.

По нашему мнению, разработки библиотерапевтических рекомендаций, в том числе списков рекомендуемой разным группам читателей литературы, должны осуществляться с учетом, прежде всего, их социального статуса, положения в обществе и микросоциумах (семье, коллективе и т. п.), так как общность социально-статусных позиций — главный фактор, порождающий схожесть психического реагирования людей на социальные раздражители. Концепция библиотерапии, предлагаемая кафедрой, имеет, таким образом, не психологические, а социологические истоки. Она строится на теории жизненных сил социальных субъектов [48].

Библиотерапия, в нашем понимании, — один из возможных методов восстановления (реабилитации) жизненных сил человека, способный стать достаточно эффективным проявлением социальной логотерапии.

Исходя из теории жизненных сил, каждый человек имеет свой набор физиологических, психических и социальных потенциалов для собственного жизнеосуществления и совершенствования своей жизни, точнее — только ему присущую конфигурацию жизненных сил. Социальное поведение людей обусловлено не столько их принадлежностью к той или иной традиционно понимаемой социальной группе, сколько имеющимися в наличии и исчерпанными жизненными силами.

Среди групп, выделяемых по степени развитости жизненных сил их членов, есть ослабленные одновременно в социальном, психическом и физиологическом отношениях. Именно эти группы, должны быть объектом библиотерапевтического влияния. Только при таком условии библиотерапия становится методом регулирования социальных отношений и реабилитации системно понимаемых жизненных сил людей.

Мы не можем в полной мере солидаризироваться с оценками библиотерапии, предложенными И. Кутаниным [18] и другими отечественными библиотерапевтами [50]. Они сводят библиотерапию к психотерапии, понимают первую как составляющую часть второй, а повторяя азы американской школы, зауживают сферу применения данного метода больничными палатами.

Наш опыт свидетельствует о возможности и актуальной потребности использования библиотерапии в гораздо более широких масштабах, во всех библиотеках, а также при надомном библиотечном обслуживании. Серия проведенных кафедрой библиотековедения экспериментов убедительно показала, что один и тот же литературный источник, рекомендованный психотерапевтами, скажем, для лиц, находящихся в состоянии фрустрации, вызывает у одних рост агрессивности и конфликтности, а у других — подавленности и депрессии. Выяснение причин подобных (парадоксальных с точки зрения градационного осмысления библиотерапии) феноменов убеждает нас в истинности заключения, согласно которому психотерапевтическое понимание возможностей библиотерапии неоспоримо, узко, нуждается в существенной корректировке в аспекте признания первостепенной значимости системного характера взаимодействия жизненных сил людей. Игнорирование социально-статусных позиций и ролей личности, уровня религиозности, степени ее материального достатка, этнической ментальности, специфики ее социального пространства и времени социально-политических, этических и эстетических ценностей, других ее социальных жизненных сил ведет к таким результатам библиотерапевтического вмешательства, которые противоположны ожидаемым только по психотерапевтическим соображениям.

Современные библиотерапевты, в принципе, но не во всех деталях, знают, как и каким индивидам следует рекомендовать художественную литературу того или иного жанра и автора, чтобы нормализовать их психику. С этой завоеванной усилиями многих исследователей высоты предстоит сделать новый шаг вперед. Нужно получить знание о том, каким образом с помощью литературы (не только художественной, но и научной, и публицистической) можно влиять на социальное поведение людей, на выбор и корректировку ими своих жизненных стратегий и тактик. Библиотерапия может стать

средством минимизации социальных аномалий, одной из социальных технологий, нормализующих жизнь всего общества.

Хотя отечественные библиотерапевтические практики пока не стали средством социальной логотерапии, но имеют основательный потенциал трансформации в данном направлении. Этот возможный процесс будет проходить тем успешнее, чем быстрее и качественнее последует решение комплекса теоретических проблем, связанных с осмыслением:

- а) всей системы следствий смены психотерапевтической парадигмы библиотерапии на социолого-логотерапевтическую;
- б) взаимосвязей между методиками и технологиями традиционной и новой библиотерапии;
- в) необходимости и содержания принципиально новой типологии читателей по комплексу социологических и психологических характеристик, ранее не использовавшийся отечественными библиотерапевтами;
- г) типичных моделей социального реагирования людей разных социолого-психологических типов на прочитанное (в разрезе, как минимум, жанров литературы, типов изданий, популярных и модных авторов);
- д) опыта, накопленного коллективами массовых библиотек по коррекции социально-значимого поведения читателей, в том числе того, который получен в советские времена, когда главной функцией этих библиотек была идейно-воспитательная работа с населением;
- е) итогов современных библиотерапевтических исследований, строящихся на социолого-логотерапевтической парадигме, прежде всего;
- ж) возможностей адаптации наработок европейской библиотерапевтической школы к современным российским условиям.

Библиографический список:

1. Рослик Г.М. Немного о библиотерапии // Научные и технические библиотеки — 1995. — №7. — С. 65-67.
2. Суетнов А.А... Иль перечи «Женитьбу Фигаро» // В мире книг. — 1985. — №11. — С. 58-60.
3. Баркер Р. Словарь социальной работы / сокр. перевод с англ. — М., 1994. — 134 с.
4. Миллер А.М. Некоторые проблемы библиотерапии за рубежом // Обзор литературы // Библиотековедение и библиография за рубежом. — 1971. — №36. — С. 95.
5. Мишкин Г.Р. Библиотерапия в медицинских библиотеках // Научн. и техн. библиотеки СССР. — 1987. — № 3.
6. Читайте на здоровье // Иностранная литература. — 1994. — №4 — С. 285.
7. Амман Г. Социально-культурная анимация в Швейцарии // Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт — М., 1993. — 356 с.
8. Васильюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. — М., 1984. — 200 с.
9. Гелева П. Возможности библиотерапии // Твое здоровье. — 1991 — №8 — Сб.
10. Гозман Л. Лекарство от тревоги // Библиотекарь. — 1984. — №7. — С. 44-45.
11. Некоторые проблемы библиотерапии за рубежом: Обзор литературы // Библиотековедение и библиография за рубежом. — М., 1973. — Вып. 36. — С. 93-106.
12. Уолш М.А. Организация библиотечного обслуживания. больных // Бюллетень Юнеско для библиотек. — 1969. — Т.23. — №2. — С.84-87.
13. Ингарден Р. Исследования по эстетике. — М., 1962. — 150 с.
14. Рубакин Н.А. Что такое библиологическая психология. — Л., 1924. — 61 с.
15. Словарь библиотечных терминов. — М., 1976. — 223 с.
16. Жаблицкая Л.Г. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы / Проблемы социологии и психологии чтения: Сб. статей. — М, 1975. — С. 130-143.
17. Шапошников А.Е. Применение библиотерапии // Библиотечное обслуживание инвалидов: история, современность, тенденции. — М., 1992.
18. Кутанин И.П. Библиотерапия // Труды научной библиотеки при СГУ. — 1947. — Вып. 1. — С. 162.
19. Арефьева Е.П. Пропаганда книги и руководство чтением в трудах Н.А. Рубакина // Исследования и материалы. — М., 1966. — Сб. 12. — С. 93-112.
20. Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина и смежные науки // Книга (исследование и материалы). — М., 1968. — Вып. 17. — С. 55-69.
21. Малинина В.И. Читательские состояния и восприимчивость к художественному тексту // Психологические проблемы чтения. — Л., 1981. — Вып. 62. — С. 39-46.

22. Миллер А.И. Личные качества и профессиональная подготовка библиотекарей // Библиотекосведение и библиография за рубежом. — 1971. — Вып. 36. — С. 102-106.
23. Миллер А.М. Некоторые психологические особенности восприятия художественной литературы больными неврозами // Психология и медицина / Сб. трудов. — М., 1978. — С. 242-249.
24. Миллер А.М. Особенности руководства чтением больных в библиотеках лечебно-профилактических учреждений: Автореф. дис. канд. пед. наук. — Л., 1975. — 30 с.
25. Миллер А.М. Кравченко С.Я. Библиотерапия в системе комплексного курортного лечения // Научно-технический прогресс и медицина. — Ульяновск. — 1985. — С. 23-24.
26. Горнфельд А. О толковании художественной прозы // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 7. — Харьков, 1916. — С. 3-41.
27. Трофимова Р.А. Концепция библиосоциальной работы. — Барнаул, 1996. — 203 с.
28. Мязотс О. «Счастливая больница» — посланец из другого мира // Библиотека. — 1994. — №7. — С. 67.
29. Некоторые аспекты библиотерапии: Метод, рекомендации / Сост. Э. Стальненене и др. — Вильнюс, 1988. — 22 с.
30. Казинс Н. Резервы человеческого духа // Здоровый образ жизни. — 1995. — №3 (54). — С. 13-15.
31. Мейжис И.А. Социальная психология библиотечного дела. — 1993. — №4. — С. 49-54.
32. Трофимова Р.А. Опыт проведения библиотерапевтического экспериментирования (в сельских регионах Алтайского края) // Библиотекосведение. — 2003. — №5. — С. 117-125.
33. Трофимова Р.А. Основы библиотерапии. — Барнаул, 1995. — 13 с.
34. Гейнс С. Библиотерапевтическое воздействие художественной литературы на молодых читателей. Дипл. работа. — Барнаул, 1995. — 116 с.
35. Жуминова Н. Библиотерапевтическое воздействие художественной литературы на выпускников средних школ: Дипл. работа. — Барнаул, 1995. — 175 с.
36. Потапова Р.П. Проблемное поле библиотерапии // Книга и мировая цивилизация. XI книговедческая конференция. — М., 2004. — С. 112-116.
37. Рыжкова М. Библиотерапевтическое воздействие художественной литературы на мужчин: Дипл. работа. — Барнаул, 1995. — 97 с.
38. Федулова Л. Библиотерапевтическое воздействие художественной литературы на группу эмоционально-неуравновешенных клиентов: Дипл. работа. — Барнаул, 1995. — 82 с.
39. Библиотерапия: Аннотир. рек. указ. / АКУНБ им. В.Я. Шишкова; Инф-библиог. отдел. — Барнаул, 1995. — 10 с.
40. Несвитенко Н. Лечение по рецепту Хемингуэя // Алтайская правда. — 1991. — 29 июня.
41. Библиотека в помощь читателю / Библиотекарь и читатель: проблемы общения. Сб. статей. СПб. — 1993. — 94 с.
42. Искусство печального утешить // Библиотекарь. — 1991. — №9. — С. 52-54.
43. Ключина Н. Душу исцелит добро // Библиотека. — 1994. — №2. — С. 38.
44. Ключина Н., Кушнир Г., Сапоровская М. Библиотерапия // Библиотекарь. — 1991. — №9. — С. 51-52.
45. Фоменко В. Библиотерапия // Правда Украины. — 1990. — 25 июля.
46. Шалыпга Т.С. За помощью — в библиотеку // Библиография. — твой помощник: Сб. статей в помощь незрячим людям. — М., 1984. — С. 27-37.
47. Шашкова И.В. Работа души // Библиография. — 1991 — №2. — С. 45.
48. Григорьев С.И., Демина Л.Д., Растов Ю.Е. Жизненные силы человека. — Барнаул, 1996. — 93 с.
49. Велик А.А. Изменение состояния сознания и психотерапия // Твое здоровье. — 1990. — №6. — С. 23-27.
50. Книговедение: Энциклопедический словарь / Ред. Н.М. Сикорский. — М., 1982. — 664 с.

Материал поступил в редколлегию 09.02.07

УДК 316.33

А. Р. Татаркина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В XX веке тема человека и человеческого существования стала центром всего гуманитарного знания. Теоретическое осмысление повседневности рассматривается на основе истории ментальности. Это обстоятельство усиливает новизну, актуальность данной проблемы.

Актуальность и востребованность проблемы повседневности подтверждается устойчивым интересом к ней со стороны историков, культурологов, искусствоведов, социологов, а также достаточно большим выходом статей, монографий, диссертаций. Это объясняется тем, что именно в XX в. (а точнее в середине столетия) тема человека и человеческого существования стала центром всего гуманитарного знания. Собственно, повседневность — есть одно из открытий XX века. К этому открытию имеют отношение философия М. Хайдеггера, социология Э. Гуссерля и А. Шюца. Сюда можно с полной уверенностью отнести экспериментальные поиски сюрреализма и поп-арта. Мода на повседневность подтверждается высказываниями теоретиков современной куль-

туры о том, что именно дом становится центром, а повседневность сценой нашего существования. Мир черват новым грандиозным проектом: очеловечить, «одомашнить» предметное окружение, городскую среду, модели существования.

Для понимания исторического аспекта повседневности необходимо обратиться к сути самого понятия. Повседневность — прежде всего рутинный, неосознаваемый мир, который противопоставляется досугу и празднику (повседневность — будни), мгновениям острого психологического напряжения (повседневность — обычная жизнь), идеальному существованию (повседневность — обыденность). Исходя из разного понимания контекста повседневности, можно выделить два подхода